

Игорь Шестков "Новый год"

На Новый год приехали ко мне Леша и Серж. Одному праздновать тоскливо. Ну я и позвал друзей – на мальчишник.

Из выпивки у меня был только спирт с работы. Я развел его холодной водой и залил смесь в бутылку из-под Столичной. Бутылка сразу стала теплая. Я выдавил в нее немного лимонного сока, закупорил и выставил на балкон – пусть охлаждается. Жратвы тоже было не много. Гречку я сварил. И картошку с лучком поджарил. Колбасу достал жирную. Кубиками ее порезал и зажарил с яйцом. Для меня был еще кислый творог. А для гостей – хлеб, масло и сыр... Эдамский.

Леша приволок бутылку белого вина, немного кофе и турку, чтобы его варить. Серж принес две шоколадки. Где он их купил? Не было ведь давно шоколада в продаже. Сокровища!

За стол сели часов в одиннадцать.

Для начала решили выпить холодного беленького. Проводить уходящий год. Я разложил еду по тарелкам, разлил вино в рюмки и сказал: «Выпьем, друзья за уходящий от нас 1983-ий год. Чтобы он в говне утонул поскорее!»

«Кто он?» – спросил Серж.

«Во первых год. Во вторых Андропов», – разъяснил Леша.

«Нет, Леша, нет, ты сужаешь! Еще не пьян, а уже сужаешь тему! Хотя в принципе ты прав. Первый в говне должен утонуть год 1983-ий, второй – и, действительно, поскорее, лично генеральный секретарь Юрий Владимирович Андропов, а потом им должны последовать все члены политбюро, ЦК КПСС и вся Старая площадь вместе с памятником героям Плевны!»

«Плевну оставим, а площадь Дзержинского с памятником и главное Лубянку утопить в дерьме!» – восторженно добавил Серж.

«И площадь Дзержинского и Железного Феликса и Академию генерального штаба и Академию народного хозяйства!»

«И Академию искусств!»

«И Академию наук тоже!»

«И Московский университет!»

Леша спросил: «Ты как хочешь, чтобы шпиль был не виден или чтобы был виден?»

«Чтобы ни шпиля, ни герба не было видно. И главное – чтобы мой институт пропал!»

«Говори точнее, пропал или в говне утонул?»

«Чтобы вначале пропал, а потом в говне утонул. Или наоборот. Главное, чтобы мне второго не надо было бы в него идти и там торчать целый день».

Болтая, мы не заметили как стрелки на часах подползли к двенадцати. Тут я включил радио Маяк (телевизора у нас не было). Новогоднее поздравление уже зачитали и передавали призывы к советскому народу. А может быть и наоборот, призывы зачитали и передавали поздравление. Не разберешь ни черта в этой фразеологии. Серж заметил только, что «сам» говорить уже не может.

Диктор, казалось, захлебывался от восторга и энтузиазма. Произнес наконец сакраментальную фразу: «С Новым годом, товарищи!» – и наступила тишина перед боем курантов на Спасской башне Кремля. Жуткая тишина. Как будто все исчезло и вселенная вернулась в стадию до сотворения мира. Но мир тут же возник вновь, не дав насладиться блаженством несуществования.

Ударили куранты. Мы стояли с рюмками в руках, чокнулись под удары, выпили холодного спирта и сели. Я выключил радио. Ну его в баню. Чайковским замучает или какой-нибудь другой высокопарной галиматьей. Поставили кассету Элтона Джона. Серж где-то достал.

Стали закусывать. Потом пили вино и Лешино кофе. Из Йемена привез знакомый.

Леша рассказывал о том, как у них в институте праздновали Новый год. Как сотрудники перепились и какую при этом несли чушь. Серж мрачно пророчествовал о будущем советской страны. В своих пророчествах он всегда пересаливал, но именно это и было приятно.

Я вставлял иногда несколько слов, но больше молчал. На душе было погано, хотелось вылезти из самого себя, превратиться в бесплотное существо и навсегда покинуть землю. Но покинуть тогда мы ничего не могли. Эмиграция за границу прекратилась, зато Афганская война бушевала с невиданной силой.

Призыв на нее висел как Дамоклов меч над каждым из нас. После окончания университета мы были офицерами запаса.

Андроповское государство особо жестоко преследовало диссидентов.

Некоторых активных отказников избивали до полусмерти «хулиганы» среди бела дня, на московских улицах. На входах в метро устраивались проверки документов – отлавливали прогульщиков, пугали людей. Некоторым все это, впрочем, нравилось. Сталинисты торжествовали. Думали, что пришло их время. Работа в институте злила своей бессмысленностью. В семье все шаталось. Жена была все время раздражена. Мы часто скандалили. Дочка часто болела.

Картинами своими я был недоволен. Чувствовал, что пишу их зря. Надо было менять жизнь, но я не знал, как.

«И представьте себе, пьяный Масленников заблудился в нашем институте! Это же не джунгли. Упал, а встать не смог. Пополз по коридору по длиннющему. По ковровой дорожке – как самолет по полосе. Долго полз, никого не встретил. Все в своих лабораториях заперлись. Поют, танцуют. Поэтому его никто не нашел и не поднял. И полз он до самого директорского кабинета. Потом мне сам рассказывал. Вот ползу я, говорит, и вижу чьи-то ноги. Ноги идут ко мне. И ботинки на них импортные, удивительно знакомые. Где, думаю, я видел, такие чудесные ботинки? И тут меня как током ударило – это же директора нашего, Ашотура Ашотуровича ботинки и привез он их из Франции. Я попытался голову поднять – не вышло. Хочу сказать – Ашотур Ашотурович, извините, я немного перебрал. Но ничего не выходит. Язык не ворочается, голос в горле застрекает. После двухсот грамм чистого у кого хочешь застрянет. Мычу что-то как дурак. Ашотур взъярился. Шефа вызвал...»

Серж спросил: «Ну и что, уволили Масленникова?»

«Куда? Как его уволишь? А кто в мастерских работать будет? Не уволили, а распекли и отпустили. Начальник мастерских Козодоев сам был пьяный. Я, говорит, за него ручаюсь головой. Все как один на поруки возьмем. А сам от спиртяги надулся как шар красный, шатается. Ашотур поорал и из института ушел. От греха подальше».

Я попросил: «Серж, расскажи, что в этом году будет. Сдохнет Андропов или нет?»

«Андропов сдохнет. Может быть уже сдох. Его с каких пор по телевизору не показывали? Но это ничего не изменит. Поставят другого маразматика. Завгара брежневского, например. Или еще хуже – Романова. Все понимают – так дальше нельзя, а делать ничего не хотят, потому что своя шкура ближе к телу. Пока все Политбюро не перемрет, ничего не изменится. А если изменится, то, неизвестно еще, будет ли лучше. Без третьей мировой войны власть коммунисты не отдадут. А после атомной войны выживут одни китайцы. Они это знают и войны не боятся. Сяо-Мяо». Тут Серж показал «китайца» – скорчил сладкую рожу и растянул руками глаза.

Зазвонил телефон. Я подошел. Звонила Идка, подруга жены.

«Ребята, берите машину и приезжайте к нам. У нас гостей полно и женщина-сказка тоже тут. Димыч, прихвати спиртяшки, у нас водки мало!»

Мы посоветовались. Леша сказал: «Я поеду, но домой. Пока метро ходит. Мне ни до женщин, ни до сказок дела нет, а Виталик разговорами замучает. Будет меня жидомасоном называть. Он патриот! А я нехристь».

А Серж загорелся. «Какая это, – говорит. – Женщина-сказка? Я давно хотел посмотреть на женщину-сказку».

Мы с Сержом решили ехать. Вышли из дома, посадили Лешу в автобус, а сами пошли на перекресток, такси ловить. Или частника. Машин на улице было мало. Все по домам сидели и праздновали. Но в Москве всегда кто-то на колесах – через пять минут мы уже мчались в подмосковный город физиков. На коленях у меня булькала трехлитровая банка с спиртом.

Приехали. Вылезли. Дом высокий. Идкина квартира на пятнадцатом этаже.

Слава Богу – лифт работал. Музыка услышали еще у лифта. Абба.

Вошли в квартиру. Там было так накурено, что я подумал, что пожар. Банку у меня сейчас же отобрали. Идка повела нас с Сержом смотреть женщину-сказку. Женщина-сказка танцевала в большой комнате. Ничего сказочного в ней не было. Ну да, блондинка. Высокая. Миленькая. И двигается хорошо. Но рядом с ней нелепо дергается, самодовольно улыбаясь, ее жених, физик. Значит Сержу надеяться не на что. А про меня и говорить нечего – женатик. Серж посмотрел на танцующих, вздохнул и вышел.

А ко мне подошел Виталик (Идкин муж) и сказал: «Димыч, пойдем в кухню,

выпьем водочки».

«А у вас что, есть что ли? Я спирт пить больше не могу, у меня от него пупок развязывается!»

«Припасено в загашнике».

В кухне никого не было. Виталик налил мне рюмку. Мы чокнулись, выпили. Виталик подошел к окну и показал вниз.

«Смотри, – говорит. – Вон там, на углу черная Волга и топтуны».

«Вас пасут?»

«Не нас, а Бартюхова. Он к Сахарову пытался пробиться. Не пустили. Из Горького выпроводили. И топтунов поставили».

«А разве Бартюхов тут?»

«И Бартюхов и Бартюшиха. Людка уже косая. А Бартюхов в маленькой комнате политику травит. Наш человек. Пойдем послушаем».

Пришли в маленькую комнату. Там прямо на полу сидело человек десять.

Бартюхов вещал: «Да, наша страна далека от совершенства, да, в ней правят престарелые кретины, но вы посмотрите на Америку! Демократия, а вся в коррупции погрязла, во всех больших городах – гетто для бедных и цветных, экологическую среду портит больше всех в мире. А диссиденты наши одного хотят – слинять туда поскорее. Когда они уедут, нам еще хуже будет».

Мне его слушать не хотелось. Все, что он мог сказать, я знал и сам. Это знание, однако, не возбуждало и не окрыляло меня, а давило и мучило. Потому что я был трус. И ненавидел «проклятую Россию» за то, что она постоянно демонстрировала мне мою трусость. Заставляла играть по ее правилам. Никогда не оставляла в покое. Была вездесущей. В том числе господствовала и в моем сознании. Это и было самым страшным. Противоестественная связь человека с государством. Не мы жили в государстве. Оно жило в нас. Как доминирующий паразит.

Я сочувствовал диссидентам, но на самопожертвование способен не был.

Единственное, что я мог противопоставить всесильной системе, это мое искусство и злой язык. Искусство мое однако никого кроме меня не интересовало. Кухонные разговоры тоже начинали надоедать. Иногда я плакал по ночам от бессилия.

Я ушел к танцующим. Вошел в круг. Начал ритмично извиваться, прыгать и вертеться. Танцевал я долго. Час или два. Иногда с дамой. Иногда один. Ходил на кухню добавлять из Виталикова загашника.

Танцевал и с Людкой – Бартюшихой. Людка, танцуя, прижималась ко мне животом. Лезла целоваться. Язык у нее – длиннющий. И работала он им как пропеллером. Пару раз я поцеловал ее. Один раз нас увидел Виталик, сделал удивленное лицо (ты что, спятил, это же Бартюшиха!), погрозил пальцем. А мне уже все было по фигу. Если бы Людка предложила мне с ней спариться, я бы согласился. Не из-за любви или похоти, а просто потому, что не ценил свою жизнь. Мне было давно ясно – если в этой жизни делать все «как надо», то она еще хуже станет. Значит надо делать как «не надо». Попытаться так увеличить энтропию, чтобы она, паскуда, лопнула.

Ко мне подошла Идка и сказала: «Все гулять идут, проветриться, а то от дыма задохнуться можно. Пойдешь?»

Я тут же надел пальто, натянул шапку и вышел из квартиры. Долго искал лифт в темном коридоре и не нашел. Через несколько минут меня взяла под руку Идка и ввела в лифт. Вывела из дома. Потом вышли остальные. Кто-то предложил: «Пошли на Тихоню! Там церковь красивая».

Ничего глупее предложить было нельзя. Именно поэтому все согласились.

Побрели в сторону Тихони. А до Тихони идти километра три. Через зимний лес. Через овраги и поля. Ночью. Слава Богу, снег был неглубокий. Сантиметров пять всего. А то кто-нибудь и замерз бы с пьяну. Я шел под руку с Идкой, задрал голову, и смотрел вверх. По зимнему ночному небу неслись грязножелтые облака. Иногда в их прорехах выглядывали звезды. Туда, в эти черные бездонные пространства хотелось улететь. И не возвращаться.

Минут через тридцать мы с Идкой осознали, что потеряли остальных. И поняли, что Тихоню нам не найти. Заблудились. Хотя Идке местность была хорошо знакома. Она знала – тут лес, тут поле, тут небольшой овраг, а за ним должно быть хорошо видно Тихоню. Все было на месте, только Тихони видно не было. Идка вдруг предложила: «Пойдем купаться».

«Ты что совсем сдурела, где тут зимой купаться можно?»

«Не сдурела. Вон там, посмотри, стоит шестиэтажное здание. Там лазер газовый.

Чтобы его охлаждать, бассейн построен. В нем всегда вода теплая. И летом и зимой. И вода хорошая, чистая».

«Ну ты даешь! А туда как пройти?»

«Через забор надо, я знаю место».

«Осилим?»

«Попробуем».

Вышли мы к забору. Высотой забор – метра три, наверху колючая проволока.

Идка сказала: «Тут где-то прореха была».

Минут двадцать искали прореху. Не нашли. Зато нашли решетчатые ворота. Без колючей проволоки. Я решил ворота перелезть. Полез. Порвал штанину.

Поцарапался. При приземлении на другой стороне больно ударился. Но перелез.

И был горд. А Идка не полезла. Решила под воротами проползти. Но застряла и в панику ударилась. Завопила. Тут я услышал собачий лай.

Ну, думаю, кранты. Сейчас овчарки нас закусуют. Схватил Идку за руку и дернул изо всех сил. Сдвинулась слегка. С огромным трудом, как репку в сказке, вытянул ее из под ворот. Идка слегка поцарапала щеку, но все остальное было цело. Мы пошли дальше и вскоре действительно подошли к огромному бетонному бассейну, из которого валил пар. Чудо!

Раздевались порознь. Идка крикнула: «Ты не смотри!»

Очень надо!

Вошли в воду. Вода была теплая, градусов тридцать.

Начали плавать и плескаться. Идка уплыла, а я лег на спину и на облака смотрел.

Потом Идка подплыла ко мне.

Я взял ее на руки, как ребенка. В воде она была очень легкой.

Положила голову мне на плечо. И вдруг заплакала.

Стала мне жаловаться на жизнь, на Виталика.

«Ты не представляешь, как мне трудно с ним. Он же больной. Мрачный. Ему дела до меня нет. Он все о России думает. Монархистом заделался. Уже три месяца «Народную монархию» читает. А меня и Наташку заставляет слушать. Совсем сдурел. От меня все время отходит».

Я пытался ее утешать. У меня это всегда очень красиво выходило. Но неубедительно. Слова ведь скорее раздражают, чем успокаивают. Все равно

какие.

И все же Идка плакать перестала. Проникновенно и пьяно посмотрела мне в глаза. Положила мне руку на затылок и притянула мою голову к своей.

Последнее, что я видел перед шальным поцелуем, были облака, бегущие по ее черным зрачкам.

Мы вышли из воды. Растерлись как могли собственной одеждой. Потом напялили ее на себя и пошли потихоньку домой. Нашли прореху в стене.

Поплелись вдоль заснеженного леса. Мне захотелось по-маленькому. Я сказал Идке, чтобы она шла и не оглядывалась. Догоню, мол, потом.

Помочился в снег. На снегу остался странный узор. Как будто кислотой проело белый пушистый ковер. Застегнулся, дальше пошел, но догонять Идку не стал. Даже из виду ее потерял.

Вышел на пустынную улицу. На ее обочине стояла колоссальная деревянная бобина с кабелем. Рядом с ней были сложены строительные материалы.

Подожел и потрогал бобину. А потом попытался ее качнуть. Не вышло.

Тяжеленная. При второй попытке удалось ее слегка сдвинуть. А потом и очень медленно выкатить с газона на асфальтированную улицу.

Не знаю почему, но вся моя неудавшаяся жизнь воплотилась в этот момент в этой дурацкой катушке. Мне представилось, что вереница дней, как пестрая змея, на нее намотана.

«Ах ты дура, катись, катись к ****ой матери!» – приговаривал я, изо всех сил толкая бобину.

«Давай, давай, милая... Катись, катись, катись к дьяволу! И пропади все пропадом! И Москва и Россия и моя хреновая жизнь!»

Бобина катилась вдоль улицы, где-то недалеко от Идкиного дома. Я бежал рядом с ней, толкал, ругался и ронял пьяные слезы на снег.

Вдруг до меня дошло, что на пути бобины что-то стоит. Эта была та самая черная Волга с топтунами.

«Ага! – завопил я. – Попались, гебисты! Ненавижу вас! Ненавижу советскую власть! Андропов, ты слышишь меня?»

Бобина наехала на мирно стоящую Волгу. Наехала и, закружившись, с грохотом упала рядом. Волга почти не пострадала.

Топтунов в машине не было, они ушли в подъезд греться. Мой гнев угас. На улице было светло. Новогодняя ночь прошла.

Я пошел к Идке.

В квартире было уныло, как всегда утром после праздника. Женщина-сказка давно исчезла. Бартюшиха тоже ушла домой. В комнатах спали, только в кухне кто-то еще сидел. Я нашел Сержа, он лежал недалеко от Бартюхова. Спросил его, поедет ли он сейчас или позже. Серж поднял голову, промямлил что-то и затих. Я не стал его мучить, попрощался с Виталиком и Идкой и ушел.

Прошел мимо топтунов. Они стояли рядом с «Волгой» и трогали царапины на бампере. Один из них недоверчиво и зло посмотрел на меня. Я сделал невинное лицо, пожал плечами и показал глазами на лежащую бобину. Потом пересек по асфальтированной дорожке маленький лесок и вышел на дорогу, ведущую к Москве.

Автобус приехал только через сорок минут.